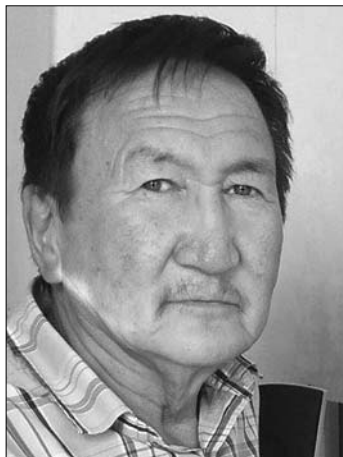

ВАСИЛИЙ ЧЕМЕЗОВ

В ЖИЗНИ ГЕОЛОГА ВСЯКОЕ СЛУЧАЕТСЯ

ДВА РАССКАЗА

НОВЫЙ ГОД НА ГУВИЛГРЕ

В декабре, за два месяца до начала зимника, в партии неотвратимо кончился запас дизтоплива. Уже были облажены и осмотрены все ёмкости на старательских полигонах, съездили на дальний участок Кудулах — везде было пусто.

Я, давно и безуспешно просивший по рации до начала зимника забрасывать топливо вертолётами, когда мне окончательно отказали, внутренне готовился к самому худшему — остановке всех работ партии до открытия зимника.

ЧЕМЕЗОВ Василий Егорович родился в 1950 году в селе Амга Амгинского района ЯАССР. В 1977 году окончил Якутский государственный университет по специальности "Геология и разведка месторождений полезных ископаемых" с квалификацией "горный инженер-геолог". 20 лет проработал в Тимптоно-Учурской геологоразведочной экспедиции (г. Алдан) на поисках и разведке россыпных месторождений золота в Южной Якутии. Работал старшим техником-геологом, геологом, старшим геологом партии, начальником геологоразведочной партии, начальником золотодобывающего участка. С 2001 года по конец 2016 года работал в Якутском филиале ФБУ "Государственная комиссия по запасам полезных ископаемых" (г. Якутск) в должности главного специалиста. В настоящее время — на пенсии. В качестве увлечения занимается изучением собственной гипотезы о норманнском происхождении легендарного прародителя якутов (сахы) — Эллэя, и пишет рассказы-воспоминания из жизни геологов. Автор книг "Привал на перевале" (рассказы), "Эллэй родом из викингов" (научно-популярное издание), вышедших в 2012–2013 годах (г. Якутск).

И вот настал день, 26 декабря, когда в ёмкостях на базе не осталось ни грамма соляры, а весь запас топлива был в баках тракторов, АТЛок, и на электростанции оставалось горючего на три дня работы.

Где-то в послеобеденное время, когда зимнее, тусклое солнце собиралось закончить свой короткий путь, ко мне громко постучался и шумно вошёл, вместе с клубами морозного воздуха, чем-то очень взволнованный бульдозерист Погорелов. С блестящими от возбуждения глазами Николай Иванович мне сообщил, что неизвестно откуда приехали на АТЛке “приленцы”, то бишь работники Приленской ГРЭ, и предлагают соляру — целых четырнадцать тонн! Ошеломлённый этим известием о так внезапно свалившемся нашем спасении, я побежал за ним, набрасывая на плечи куртку.

В бараке Николая Ивановича набилось полно народу. Паренёк-геолог Коля Корякин и водитель АТЛ пили горячий чай. Корякин рассказал, что у них ликвидируется буровая точка, и что есть ёмкость, полная дизтоплива, часть которого просто некуда деть. Предложил четырнадцать тонн взять нам, с последующим возвратом. Посмотрев вокруг, я увидел множество глаз, устремлённых ко мне — напряжённых, восторженных, радостных, и все они говорили: “Взять, взять, конечно!” Да я и сам, не веря своему счастью, во все не думал отказываться.

Что тут началось! Сразу все загомонили, зашумели: кому ехать, какую ёмкость везти, когда идти... Быстро собрались, на станции оставили топлива на сутки, остальным дозавправили транспорт и двинулись в пять часов вечера в путь. Впереди АТЛ, ведомый опытным водителем Иваном Петровичем Шелелёвым, за нами два “бульдога”, тянущие пустые ёмкости. Вели их Николай Иванович Погорелов, Сергей Фёдорович Гуцин и Николай Арсентьевич Кушель.

А путь неблизкий. Точка находилась в междуречье Сутама и Гонама, где-то в верховьях Усмуна, километрах в восьмидесяти от нашей базы.

Мы потеряли уже счёт времени, ехали, и не было видно конца пути. АТЛочный след “приленцев” вёл нас всё дальше в дебри стыллой тайги и тонул во мраке ночи... Уже давно проехали устье Гувилгры, переехали Гонам и поднимались по какому-то ручью вверх. Уже не раз Иван Петрович чертыхнулся, что здесь не восемьдесят, а все сто с лишним километров, а след вёл всё выше, поднимаясь по склону на голые вершины, блестящие под мертвенным сиянием полной луны. И, наконец, когда мы уже и перестали ждать конца пути, на самой верхушке гольца свет наших фар упёрся в маленький балок.

Ночь скоротали в жарко натопленном балке в потной, короткой дрёме и тревожном ожидании подхода тракторов, сквозь сон беседуя с приленскими буровиками. Только под утро дальний лес в долине ручья огласился рокотом моторов, замелькали светлячки фар, и к шести часам на гольц тяжело выполз первый “бульдог”.

Мои ребята, усталые и чёрные от копоти, почти совсем не отдохнули. Николай Иванович вовсе не лёг спать, а сразу, как приехал, засуетился, забегал, подтянул ёмкость под заправку, установил шланг и стал ковыряться в тракторе. В одиннадцать часов дня мы вышли в обратную дорогу с полными ёмкостями, тепло попрощавшись с “приленцами”. Трактора на базу пришли поздно вечером с одной ёмкостью. Мужики, усталые и хмурые, рассказали, что сани под десятикубовой ёмкостью не выдержали и по дороге развалились. Теперь нужно было не раз сходить с маленькой ёмкостью и вручную перекачивать топливо.

Назавтра, 28 декабря, взяв с собой “трёхкубовку” и ручной насос, отправились за топливом на одном тракторе Погорелов и Гуцин. А мороз стоял за минус пятьдесят. Так они сделали три ходки, выходя с базы вечером и возвращаясь под утро. Представьте, каково им досталось в эти дни: без сна и отдыха трястись многие километры в заиндевавшем бульдозере, в жгучий мороз ручным насосом, сменяя друг друга, перекачивать литр за литром тонны топлива!

С последнего рейса они вернулись 31 декабря перед обедом, таща за собой соляру и пустую десятикубовку. Все, кто был на базе, с радостью встречали

их. А вечером в маленьком клубе стояли нарядная ёлка и столы, гремела светомузыка, на стене висела газета с весёлыми стихами и рисунками, на одном из которых Погорелов и Гуцин везли на “пене” огромного Деда Мороза с подарками.

Праздник прошёл очень весело, под шутку и смех, под звонкие песни, которые очень горазды оказались петь Володя Смирнов и Виктор Базарный. Уморила всех кавалеров в искромётном танце Татьяна Шемякова, сыпал заливистым смехом Николай Иванович, начисто забывший об усталости, и скромно улыбался всегда молчаливый Сергей Гуцин.

Так встречали мы Новый 1986 год в дальней Кудулаканской партии Тимптоно-Учурской геологоразведочной экспедиции.

Я не раз потом вспоминал этот период с благодарностью, когда счастливый случай и мужество рабочих людей спасли партию от длительного простоя, сплотили коллектив в единое целое.

После было многое: переезд за двести километров на новую площадь работ и строительство базы за одно лето, не останавливая буровых работ, освоение бурения скважин большим диаметром и обучение молодых буровиков переездам станков по осенним марям, и сильнейший летний паводок — “чёрная вода”, какого не помнили старые эвенки, жившие в здешних местах... Но все эти работы выполнялись, и удар стихии встречался уже очень сплочённым, дружным коллективом людей, не безразличных к результатам общего труда, и было легко и радостно работать с ними.

ПРОКЛЯТИЕ СТАРОЙ ЭВЕНКИЙКИ

Вскоре после того, как большая часть Кудулаканской партии переехала в верховья Сутама и расположилась, почти что под открытым небом, напротив устья Комагина, — а точнее сказать, 9 мая, к нам пешком пришли пожилой эвенк с сыном-подростком. Из бесхитростного рассказа таёжного жителя мы узнали, что у них на стойбище случилось большое горе — застрелилась из ружья молодая девушка. Об этом надо было передать по радию в правление совхоза, находившееся в пригороде Тынды.

С большим трудом я уговорил Ивана Петровича увезти на вездеходе наших несчастных гостей обратно на стойбище. Нехотя, долго, с ворчанием собирался Петрович, но всё-таки под вечер мы выехали. Стойбище оленеводов находилось в девяти километрах от нас вверх по Сутаму, в долине его левого притока — ручья Талахта. К нашему приезду туда уже стало смеркаться. Зайдя в палатку, мы увидели плачущих женщин, сидящих на оленьих шкурах. Несмотря на охватившее их большое горе, они предложили нам попить чаю, поест. Хотя мы и торопились обратно, уважая хозяев, посидели с ними. Во время разговора самая старая, седая женщина вдруг стала нас, геологов, ругать. По её словам, мы без всякого спроса заняли место их летнего стойбища, сейчас начнём оленеводов сгонять с родных мест, убивать их оленей, уничтожать тайгу. “Уходите — туда, откуда пришли. Не будет вам здесь спокойной жизни. Устрою я вам...” — яростно кричала она, убитая горем. Мы поспешили уехать.

На обратном пути заблудились. Да это и не мудрено. Местности мы пока не знали, по сути, это был наш первый выезд за пределы базы. К тому же стало так темно, что вокруг ничего не видно. Мы попытались выехать на правобережную террасу Сутама и на склоне её оказались в буреломе. Огромные лиственницы, стволы которых с трудом обхватишь обеими руками, сложенные на высоте полутора-двух метров, лежали вповалку. Вездеход, заскользив боком по крутому склону, сильно ударился о ствол дерева, помял левую дверцу и крышку люка на кабине. Положение отчаянное — чёрная ночь, густой лес поломанных деревьев и вездеход, повисший боком на стволе лиственницы.

Иван Петрович, чертыхаясь и мало-помалу ёрзая вездеходом, всё-таки съехал с дерева, и мы спустились на русло реки. В ту весну в начале мая

вновь ударили сильные морозы, и река повторно покрылась сплошным льдом. Мы поехали по руслу реки, ломая гусеницами тонкий лёд. Самое неприятное, что мы не знали глубины реки, где какие могут быть ямы. При свете фар лёд перед нами трескался, тонкие трещины, расширяясь, уходили куда-то далеко вперёд, пропадая во мгле, а в просвете между кусками льда открывалась чёрная вода. Потихоньку, осторожно продвигаясь по руслу, готовые в любой момент дать задний ход, если будем проваливаться, мы поздно ночью добрались до своего расположения. Казалось, никто не спал и все ждали нашего возвращения — между деревьями и кустами мелькали огоньки фонариков, и ребята нас встретили прямо на берегу реки.

Лето выдалось грозное. Место расположения нашей базы оказалось на пересечении трёх открытых пространств, похожих по своей форме на желоба, — это отрезки долины реки Сутама выше и ниже нашей базы и долина ручья Комагин, впадающего слева, почти перпендикулярно, напротив нашего посёлка. Поэтому, или по какой другой причине, редкая туча обходила нас в то лето стороной, не пролившись сильным дождём.

В грозу, сидя дома и глядя в окно, я видел, как раскачиваются кроны высоких лиственниц под сильными порывами ветра и некоторые из деревьев с громким треском падают около наших домов, выворачивая свои корни, как частые молнии вонзаются в землю вокруг территории базы. Одна из молний разбила дерево неподалёку от нас, другая попала в нашу дизельную станцию, выведя её из строя. Видя всё это, я невольно задавался вопросом: “Неужели это последствия угроз старой эвенкийки?”

18 июля утром мы проснулись от шума воды. Выйдя на улицу, обнаружили, что со всех сторон оказались окружёнными водой. Сильнейший летний паводок — “чёрная вода” — почти полностью затопил днище долины Сутама, оставив сухими лишь небольшие пятючки на первой надпойменной террасе. Старые дома, стоящие на берегу реки, затоплены были почти по окна. В двух домах из них нами временно были размещены продуктовый склад и радиостанция. Сложенные прямо на полу мука и сахар в мешках оказались безвозвратно испорчены водой. Радист, ночью внезапно оказавшийся в залившей его дом холодной воде, сидел притихший, нахохлившийся, на табуретке, поставленной на койку. Под его ногами, сквозь дом, протекали, пенясь, мутные воды разлившейся реки. Теплицы, поставленные нами в пойме, водой унесло вместе с посаженными огурцами и прислонило к опушке прибрежного леса. Под водой оказалась площадка с разложенным на ней техническим грузом.

Через несколько дней вода пошла на убыль, но за рекой широкая пойма месяц стояла затопленной. Такого мы раньше никогда не видели. Почему в верховьях горной речки паводковая вода, обычно спадающая через несколько дней, держалась столь долгое время на высоком уровне, я до сих пор себе толком объяснить не могу.

Это сейчас мы все привыкли к чрезмерно высоким паводкам на реках, когда прибывшая вода, даже среди лета или осенью, месяцами стоит, не убывая. А тогда это был первый такой удар водной стихии, неожиданный и непонятный.

И опять в моём мозгу роились беспокойные мысли о старой эвенкийке.

Но, к счастью, всё обошлось благополучно. Урон, нанесённый водой, удалось минимизировать за счёт проведения срочных работ по спасению материально-технических ценностей, вывоза на безопасное место и частичной переработки их.

Позже оленеводы эти не раз приезжали к нам, привозили мясо и обменивали на чай, муку, сахар, макароны, консервы. Заходили ко мне в гости и даже признали жену мою за своего сородича. “Из наших что ли? На нашу похожа”, — говорили они, ласково глядя на неё.

Конечно, ни о каком проклятии и речи быть не может. Просто стечение обстоятельств, просто суеверие. И всё же...